

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-26

Замятин, Евгений Иванович.

3-26 Мы : русская антиутопия / Евгений Замятин. — Москва : Родина, 2020. — 352 с. — (Главная кинопремьера года).

ISBN 978-5-907332-64-5

К выходу самого ожидаемого в России блокбастера «Мы».

Фантастический роман-антиутопия «Мы» Е. Замятина был написан в 1920-м году и в значительной степени повлиял на главные антиутопии XX века «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Джорджа Оруэлла. В романе «Мы» описывается общество жесткого тоталитарного контроля над личностью (имена и фамилии заменены буквами и номерами, государство контролирует даже интимную жизнь), идейно основанное на отрицании фантазии, управляемое «избираемым» на безальтернативной основе «Благотелем».

Предлагаемое издание содержит в себе не только легендарный роман-антиутопию, но и ряд публицистических статей, описывающих политические взгляды писателя, его отношение к историческим событиям, очевидцем которых он стал.

«Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благодушные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики» (статья «Я боюсь»).

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907332-64-5

© ООО «Издательство Родина», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ

Вариант 1	9
Вариант 2	11
Вариант 3	12
Вариант 4	20

Мы

Запись 1-я. Конспект: Объявление. Мудрейшая из линий. Поэма	30
Запись 2-я. Конспект: Балет. Квадратная гармония. Икс	31
Запись 3-я. Конспект: Пиджак. Стена. Скрижаль	36
Запись 4-я. Конспект: Дикарь с барометром. Эпилепсия. Если бы	40
Запись 5-я. Конспект: Квадрат. Владыки мира. Приятно-полезная функция	44
Запись 6-я. Конспект: Случай. Проклятое «ясно». 24 часа	47
Запись 7-я. Конспект: Ресничный волосок. Тэйлор. Белена и ландыш	53
Запись 8-я. Конспект: Иррациональный корень. R-13. Треугольник	58
Запись 9-я. Конспект: Литургия. Ямбы и хорей. Чугунная рука	63
Запись 10-я. Конспект: Письмо. Мембрана. Лохматый я	66
Запись 11-я. Конспект: ...Нет, не могу, пусть так, без конспекта	74
Запись 12-я. Конспект: Ограничение бесконечности. Ангел. Размышления о поэзии	78
Запись 13-я. Конспект: Туман. Ты. Совершенно нелепое происшествие	82

Запись 14-я. Конспект: «Мой». Нельзя. Холодный пол	86
Запись 15-я. Конспект: Колокол. Зеркальное море. Мне вечно гореть	89
Запись 16-я. Конспект: Желтое. Двухмерная тень. Неизлечимая душа	93
Запись 17-я. Конспект: Сквозь стекло. Я умер. Коридоры . . .	98
Запись 18-я. Конспект: Логические дебри. Раны и пластырь. Больше никогда	104
Запись 19-я. Конспект: Бесконечно малая третьего порядка. Исподлобный. Через парапет	110
Запись 20-я. Конспект: Разряд. Материал идей. Нулевой утес	115
Запись 21-я. Конспект: Авторский долг. Лед набухает. Самая трудная любовь	118
Запись 22-я. Конспект: Оцепеневшие волны. Все совершенствуется. Я — микроб	123
Запись 23-я. Конспект: Цветы. Растворение кристалла. Если только	127
Запись 24-я. Конспект: Предел функции. Пасха. Все зачеркнуть	131
Ночь. Запись 25-я. Конспект: Сошествие с небес. Величайшая в истории катастрофа. Известное кончилось	134
Запись 26-я. Конспект: Мир существует. Сыпь. 41°	140
Запись 27-я. Конспект: Никакого конспекта — нельзя	144
Запись 28-я. Конспект: Обе. Энтропия и энергия. Непрозрачная часть тела	149
Запись 29-я. Конспект: Нити на лице. Ростки. Противоестественная компрессия	156
Запись 30-я. Конспект: Последнее число. Ошибка Галилея. Не лучше ли?	159
Запись 31-я. Конспект: Великая операция. Я простил все. Столкновение поездов	163
Запись 32-я. Конспект: Я не верю. Тракторы. Человеческая щепочка	169

Запись 33-я. Конспект: (Это без конспекта, наспех, последнее)	175
Запись 34-я. Конспект: Отпущенники. Солнечная ночь. Радио-валькирия	176
Запись 35-я. Конспект: В обруче. Морковка. Убийство	184
Запись 36-я. Конспект: Пустые страницы. Христианский бог. О моей матери	189
Запись 37-я. Конспект: Инфузория. Светопреставление. Ее комната	193
Запись 38-я. Конспект: (Не знаю какой. Может быть, весь конспект — одно: брошенная папироска)	196
Запись 39-я. Конспект: Конец	199
Запись 40-я. Конспект: Факты. Колокол. Я уверен	204
Д-503 (киносценарий)	206

СТАТЬИ

Журнал для пищеварения	211
Домашние и дикие	213
О лакеях	217
Они правы	218
О равномерном распределении	219
Последняя страница	223
Бунт капиталистов	224
Великий Ассенизатор	225
Беседы еретика	227
Завтра	230
«Записки мечтателей»	232
Я боюсь	233
Пора	237
Рай	240
Новая русская проза	249
О литературе, революции, энтропии и прочем	265
О сегодняшнем и о современном	273

Цель	288
Закулисы	292
Будущее театра	306
Письмо Сталину	312
О моих женах, о ледоколах и о России	317
Кино	324
<Кинематографические параллели>	325
«Трехмерный фильм»	328
Actualités soviétiques	329
Театральные параллели	332
Примечания	338

АВТОБИОГРАФИЯ

ВАРИАНТ 1

Вы все-таки непременно хотите от меня автобиографию¹. Но ведь вам придется ограничиться только наружным осмотром и разве слегка взглянуть в полутемные окна: внутри я редко кого зову. А снаружи вы увидите немного.

Вы увидите очень одинокого, без сверстников, ребенка на диване, животом вниз, над книгой — или под роялью, а на рояли играет мать Шопена. Два шага от Шопена — и уездное — окна с геранью, посреди улицы — поросянок привязан к колышку и трепыхаются куры в пыли. Если хотите. географии — вот она: Лебедянь», самая разрусская — тамбовская, о какой писали Толстой и Тургенев; хронология: конец 80-х, 90-е годы. А потом — Воронеж, гимназия, пансион, скука, на большой Дворянской бешеные собаки. И одна такая — тяпнула меня за ногу. Я тогда очень любил производить над собой опыты и решил посмотреть: взбешусь или нет. А главное, было очень любопытно: что я буду чувствовать, когда подойдет срок беситься (две недели после укуса). Чувствовал много, но через две недели не взбесился, а потому заявил инспектору, что я — бешеный, и меня — тотчас же Москву, делать прививки.

В гимназии я получал пятерки с плюсом за сочинения и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно потому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского политехникума. В мае 13 лет назад (в этом мае на цветы выпал снег) я одновременно кончал свои дипломные проекты и кончил свой первый

рассказ. Рассказ тогда же был напечатан в старом «Образовании».

Ну — что ж: значит, я могу сочинять рассказы и их будут печатать, а поэтому три следующих года я писал только... о ледоколах, теплоходах, рефулерах, о «Теоретическом исследовании работы землечерпательниц». Никак иначе было нельзя: я был оставлен при кафедре корабельной архитектуры и занимался преподаванием на кораблестроительном факультете (занимаюсь и теперь).

Если я что-нибудь значу в русской литературе, то этим я целиком обязан Петербургскому Охранному Отделению: в 1911 году оно выслало меня из Петербурга, и я года два очень безлюдно жил в Лахте. Там от белой зимней тишины и зеленой летней — я написал «Уездное». После чего покойный Измайлов² решил печатно, что я — в высоких сапогах, уездный, лохматый, с толстой палкой — и был очень удивлен, когда я оказался совсем не таким.

Впрочем, совсем не таким я стал после Англии, где во время войны прожил около двух лет. Там — строил корабли, смотрел развалины замков, слушал, как бахают бомбы с немецких цеппелинов, писал повесть «Островитяне». Очень жалко, что не видел февральской революции и знаю только октябрьскую (как раз к октябрю, все время в спасательном поясе с потушенными огнями мимо немецких подводок — я вернулся в Петербург). Это все равно, что никогда не знать влюбленности и однажды утром проснуться женатым, уже лет этак десять.

Сейчас пишу немного — вероятно, оттого, что становлюсь к себе все требовательнее. Три новых тома («На куличках», «Островитяне» и «Сказки») — три года лежат в издательстве Гржебина и начинают печататься только теперь³.

Четвертым будет этот роман «Мы» — самая моя шуточная и самая серьезная вещь.

А пожалуй, самые серьезные и интересные романы не написаны мной, но случились в моей жизни.

1922

ВАРИАНТ 2⁴

По самой середине карты — кружочек: Лебедянь — та самая, о какой писали Толстой и Тургенев. В Лебедяни — родился (1884). Рос под роялем: мать — хорошая музыкантша. Годы в четыре — уже читал. Детство — почти без товарищей: товарищи — книги. До сих пор помню дрожь от Нечки Незвановой Достоевского, от тургеневской «Первой любви». Это были старшие и, пожалуй, страшные; Гоголь — был другом.

Гимназию кончил в Воронеже (1902) с медалью; медаль скоро нашла себе место в петербургском ломбарде. После гимназии Петербургский Политехнический Институт (Кораблестроительный факультет). Зимой — Петербург, летом — практика на заводах и плавание. В эти годы — самое лучшее из моих путешествий: Одесса — Александрия (Константинополь, Смирна, Салоники, Бейрут, Яффа, Иерусалим, Порт-Саид). В Одессе был во время восстания «Потемкина», в Гельсингфорсе — во время восстания в Свеаборге.

Все это сейчас — как вихрь: демонстрации на Невском, казаки, студенческие и рабочие кружки, любовь, огромные митинги в Университете и Институтах. Тогда был большевиком (теперь — не большевик), работал в Выборгском районе; одно время в моей комнате была типография. Сражался с кадетами в студенческом Совете Старост. Развязка, конечно, — в одиночке на Шпалерной.

Политехникум кончил в 1908 г. и был оставлен при кафедре Корабельной Архитектуры. В том же году написал и напечатал в «Образовании» первый свой рассказ. Три следующих года — инженерия, статьи в специальных технических журналах. Всерьез начал писать с 1911 г. («Уездное» — в «Заветах»)

В начале 1916 г. уехал в Англию — строить русские ледоколы; один из самых крупных наших ледоколов «Ленин» (бывш. «Александр Невский») — моя работа.

Когда в английских газетах запестрели жирные заголовки: «Abdication of Tzar!», «Revolution in Russia»⁵ — в Англии стало невмочь; и в сентябре 1917 г. вернулся в Россию. Практическую технику здесь бросил, и теперь у меня — только литература и преподавание в Политехническом Институте.

Сидел в одиночке пока всего только два раза: в 1905—6 году и в 1922 г.; оба раза — на Шпалерной и оба раза, по странной случайности, в одной и той же галерее. Высылали меня трижды: в 1906 г., в 1911 г. и в 1922 г. Судили один раз: в Петербургском Окружном Суде — за повесть «На куличках».

1924

ВАРИАНТ 3

Как дыры, прорезанные в темной, плотно задернутой занавеси — несколько отдельных секунд из очень раннего детства⁶.

Столовая, накрытый клеенкой стол, и на столе блюдо с чем-то странным, белым, сверкающим, и — чудо! — это белое вдруг исчезает на глазах неизвестно куда. В блюде — кусок еще незнакомой, некомнатной, внешней вселенной: в блюде принесли показать мне снег, и этот удивительный снег — до сих пор.

В этой же столовой. Кто-то держит меня на руках перед окном, за окном — сквозь деревья красный шар солнца, все темнеет, я чувствую: конец, — и страшнее всего, что откуда-то еще не вернулась мать. Потом я узнал, что «кто-то» моя бабушка и что в эту секунду я был на волос от смерти: мне было года полтора.

Позже: мне года два-три. Первый раз — люди, множество, толпа. Это — в Задонске: отец и мать поехали туда на шарабане и взяли меня с собой. Церковь, голубой дым,

пение, огни, по-собачьи лает кликуша, комок в горле. Вот кончилось, прут, меня — щепочку — несет с толпой наружу, вот я уже один в толпе: отца с матерью нет, и их больше никогда не будет, я навсегда один. Сажу на какой-то могиле; солнце, горько плачу Целый час я жил в мире один.

В Воронеже. Река, необычно странный мне ящик купальни, и в ящике (я потом вспомнил это, когда видел в бассейнах белых медведей) плещется огромное, розовое, тучное выпуклое женское тело — тетка моей матери. Мне любопытно и чуть жутковато: я в первый раз понимаю, что это женщина.

Я жду у окна, гляжу на пустую, с купающимися в пыли курами, улицу. И наконец едет наш тарантас: везут из гимназии отца, он — на нелепо высоком сиденье, с тростью, поставленной между колен. Я жду с замиранием сердца обеда — за обедом торжественно разворачиваю газету и читаю вслух огромные буквы: «Сын Отечества». Я уже знаю эту таинственную вещь — буквы. Мне года четыре.

Лето. Пахнет лекарствами. Вдруг мать и тетки торопливо захлопывают окна, запирают балкон, и я смотрю, приплюснувшись носом к балконному стеклу: везут! Кучер в белом халате, телега, покрытая белым полотном, под полотном — люди, скорченные, шевелящиеся руки и ноги: холерные. Холерный барак на нашей улице, рядом с нашим домом. Сердце колотится, я знаю, что такое смерть. Мне лет пять-шесть.

И наконец: легкое, стеклянное, августовское утро, далекий прозрачный звон в монастыре. Я иду мимо палисадника перед нашим домом и не глядя знаю: окно открыто и на меня смотрят — мать, бабушка, сестра. Потому что я в первый раз облачился в длинные — «на улицу» — брюки, в форменную гимназическую куртку, за спиной ранец: я в первый раз иду в гимназию. Навстречу трясется на своей бочке водовоз Измашка и несколько раз оглядывается на меня. Я — горд. Я — большой: мне перевалило за восемь.

Все это — среди тамбовских полей, в славной шулерами, цыганами, конскими ярмарками и крепчайшим русским языком Лебеядни — той самой, о какой писали Толстой и Тургенев. А годы: 1884—1893.

Дальше — серая, как гимназическое сукно, гимназия. Изредка в сером — чудесный красный флаг. Красный флаг вывешивался на пожарной каланче и символизировал тогда отнюдь не социальную революцию, а мороз в 20R. Впрочем, это и была однодневная революция в скучной, разграфленной гимназической жизни.

Скептический диогеновский фонарь — в 12 лет. Фонарь был зажжен одним здоровым второклассником и — синий, лиловый, красный — горел у меня под левым глазом целых две недели. Я молился о чуде — о том, чтобы фонарь потух. Чудо не свершилось. Я задумался.

Много одиночества, много книг, очень рано — Достоевский. До сих пор помню дрожь и пылающие свои щеки — от «Неточки Незвановой». Достоевский долго оставался — старший и страшный даже: другом был Гоголь (и гораздо позже — Анатолий Франс).

С 1896 года — гимназия в Воронеже. Специальность моя, о которой все знали: «сочинения» по русскому языку. Специальность, о которой никто не знал: всевозможные опыты над собой — чтобы «закалить» себя.

Помню: классе в 7-м, весной, меня укусила бешеная собака. Взял какой-то лечебник, прочитал, что первый, обычный срок, когда появляются признаки бешенства — две недели. И решил выждать этот срок: сбешусь или нет? — чтобы испытать судьбу и себя. Все эти две недели — дневник (единственный в жизни). Через две недели — не сбесился. Пошел, заявил начальству, тотчас же отправили в Москву — делать пастеровские прививки. Опыт мой кончился благополучно. Позже, лет через десять, в белые петербургские ночи, когда сбесился от любви — проделал над собой опыт посерьезнее, но едва ли умнее.

Из гимназического серого сукна вылез в 1902 году. Золотая медаль за 25 рублей была заложена в петербургском ломбарде — и там осталась.

Помню: последний день, кабинет инспектора (по гимназической табели о рангах — «кобылы»), очки на лбу, подтягивает брюки (брюки у него всегда соскакивали) и подает мне какую-то брошюру. Читаю авторскую надпись: «Моей almae matri, о которой не могу вспомнить ничего, кроме плохого. П. Е. Щеголев». И инспектор — наставительно, в нос, на о: «Хорошо? Вот тоже кончил у нас с медалью, а что пишет! Вот и в тюрьму попал. Мой совет: не пишите, не идите по этому пути». Наставление не помогло.

Петербург начала 900-х годов — Петербург Комиссаржевской, Леонида Андреева, Витте, Плеве, рысаков в синих сетках, дребезжащих конок с империалами, студентов мундирно-шпажных и студентов в синих косоворотках. Я — студент-политехник косовороточной категории.

В зимнее белое воскресенье на Невском — черно от медленных, чего-то выжидающих толп. Дирижирует Невским — Думская каланча, с дирижера все не спускают глаз. И когда подан знак — один удар, час дня — на проспекте во все стороны черные человеческие брызги, куски марсельезы, красных знамен, казаки, дворники, городовые... Первая (для меня) демонстрация — 1903 год. И чем ближе к девятьсот пятому — кипенье все лихорадочней, сходки все шумнее.

Летом — практика на заводах, Россия, прибаутливые, веселые третьеклассные вагоны, Севастополь, Нижний, Камские заводы, Одесса, порт, босяки.

Лето 1905 года — особенно синее, пестрое, тугое, доверху набитое людьми и происшествиями. Я — практикантом на пароходе «Россия», плавающим от Одессы до Александрии. Константинополь, мечети, дервиши, базары, беломраморная набережная Смирны, бедуины Бейрута, белый Яффский прибой, черно-зеленый Афон, чумный

Порт-Саид, желто-белая Африка, Александрия — с английскими полисменами, продавцами крокодиловых чулок, знаменитый Тартуш. Особенный, отдельный от всего, изумительный Иерусалим, где я с неделю жил в семье знакомого араба.

А по возвращении в Одессу — эпопея бунта на «Потемкине». С машинистом «России» — смытый, затопленный, опьяненный толпой — бродил в порту весь день и всю ночь, среди выстрелов, пожаров, погромов.

В те годы быть большевиком — значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком. Была осень 1905 года, забастовки, черный Невский, прорезанный прожектором с Адмиралтейства, 17-е октября, митинги в высших учебных заведениях...

Однажды в декабре вечером в мою комнату на Ломанском переулке пришел приятель, рабочий, крылоухий Николай В. — с бумажным мешком от филипповских булок, в мешке — пироксилин «Оставляю-ка я тебе мешочек, а то за мной по пятам шпики ходят». — «Что ж, оставь». И сейчас еще вижу этот мешок: слева, на подоконнике, рядом с кулечком сахара и колбасой.

На другой день — в «штабе» Выборгского района, в тот самый момент, когда на столе были разложены планы, парабеллумы, маузеры, велодоги — полиция: в мышеловке человек тридцать. А в моей комнате слева, на подоконнике — мешок от филипповских булок, под кроватью — листки.

Когда, обысканные и избитые, мы разделены были по группам, я вместе с другими четверьмя — оказался у окна. У фонаря под окном увидел знакомые лица, улучил момент и в форточку выбросил записочку, чтобы у этих четырех и у меня убрали из комнат все неподобающее. Это было сделано. Но о том я узнал позже, а пока — несколько месяцев в одиночке на Шпалерной мне снился мешочек от филипповских булок — налево, на подоконнике.

В одиночке — был влюблен, изучал стенографию, английский язык и писал стихи (это неизбежно). Весною девятьсот шестого года освободили и выслали на родину.

Лебедянскую тишину, колокола, палисадники — выдержал недолго: уже летом — без прописки в Петербурге, потом в Гельсингфорсе. Комната на Эрдхольмс-гатан, под окнами — море, скалы. По вечерам, когда чуть видны лица — митинги на сером граните. Ночью — не видно лиц, теплый черный камень кажется мягким, — оттого что рядом она, и легки, нежны лучи свеаборгских проекторов.

Однажды в купальне голый товарищ знакомит с голым пузатеньким человечком: пузатенький человечек оказывается знаменитым капитаном красной гвардии — Кокком. Еще несколько дней — и красная гвардия под ружьем, на горизонте чуть видные черточки кронштадтской эскадры, фонтаны от взрывающихся в воде двенадцатидюймовок, слабеющее буханье свеаборгских орудий. И я — переодетый, выбритый, в каком-то пенсне — возвращаюсь в Петербург.

Парламент в государстве; маленькие государства в государстве — высшие учебные заведения, и в них свои парламенты: Советы старост. Борьба партий, предвыборная агитация, афиши, памфлеты, речи, урны. Я был членом — одно время председателем — Совета старост.

Повестка: явиться в участок. В участке — зеленый листок: о розыске «студента университета Евгения Иванова Замятина», на предмет высылки из Петербурга. Честно заявляю, что в университете никогда не был и что в листке — очевидно ошибка. Помню нос у пристава — крючком, знаком вопроса: «Гм... Придется навести справки». Тем временем я переселяюсь в другой район: там через полгода — снова повестка, зеленый листок, «студент университета», знак вопроса, и справки. Так — пять лет, до 1911 года, когда, наконец, ошибка в зеленом листке была исправлена и меня выдворили из Петербурга.

В 1908 году кончил Политехнический институт по кораблестроительному факультету, был оставлен при кафедре корабельной архитектуры (с 1911 года — преподавателем по этому предмету). Одновременно с листами проекта башеннопалубного судна — на столе у меня лежали листки моего первого рассказа. Отправил его в «Образование», которое редактировал Острогорский; беллетристкой ведал Арцыбашев. Осенью 1908 года рассказ в «Образовании» был напечатан. Когда я встречаюсь сейчас с людьми, которые читали этот рассказ, мне так же неловко, как при встречах с одной моей тетушкой, у которой я, двухлетний, однажды публично промочил платье.

Три следующих года — корабли, корабельная архитектура, логарифмическая линейка, чертежи, постройки, специальные статьи в журналах «Теплоход», «Русское Судостроение», «Известия Политехнического Института». Много связанных с работой поездок по России: Волга вплоть до Царицына, Астрахани, Кама, Донецкий район, Каспийское море, Архангельск, Мурман, Кавказ, Крым.

В эти же годы, среди чертежей и цифр — несколько рассказов. В печать их не отдавал: в каждом мне еще чувствовалось какое-то «не то». «То» нашлось в 1911 году. В этом году были удивительные белые ночи, было много очень белого и очень темного. И в этом году — высылка, тяжелая болезнь, нервы перетерлись, оборвались. Жил сначала на пустой даче в Сестрорецке, потом, зимою, — в Лахте. Здесь — в снегу, одиночестве, тишине — «Уездное». После «Уездного» — сближение с группой «Заветов», Ремизовым, Пришвиным, Ивановым-Разумником.

В 1913 году (трехсотлетие Романовых) — получил право жить в Петербурге. Теперь из Петербурга выслали врачи. Уехал в Николаев, построил там несколько землечерпалок, несколько рассказов и повесть «На куличках». По напечатании ее в «Заветах» — книга журнала была конфискована цензурой, редакция и автор привлечены к суду. Судили незадолго до февральской революции: оправдали.